

Когда враг с тобой
ВСЕ ПРОТИВ ВСЕХ

РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ

АЛЕКСЕЙ
НАСТ

Алексей Наст
Когда враг с тобой
Серия «Русский детектив»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6707096
Когда враг с тобой: Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-227-04895-0*

Аннотация

Антон Камнев, майор ФСБ, не привык демонстрировать слабость, тем более перед лицом смертельного врага, давно мечтающего свести с ним счёты. Похититель Антона, предводитель боевиков Шамиль Аратский, чтобы насладиться предсмертным ужасом в глазах майора, придумал для него изуверскую казнь. В Африке существуют места, где для богатых клиентов со всего света устраивают особое сафари, жестокие игры, ставка в которых — жизнь. Но судьба часто преподносит неожиданные сюрпризы. Там, где царят законы джунглей, где жизнь человека не стоит даже патрона к автомату, охотник частенько сам становится дичью. Чтобы спастись, бывшим врагам приходится объединяться. Надолго ли?

Содержание

Пролог	5
Странные истории	20
Конец ознакомительного фрагмента.	31

А. Наст

Когда враг с тобой

Разработка серийного оформления художника Я. А. Галеевой

©А. Наст, 2014

© Художественное оформление серии ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Пролог

Сухогруз «Обезьяна» магаданской фирмы «Реликт», под флагом Камбоджи, приняв груз в Морони — столице Коморских островов, взял курс прямо на Могадишо — столицу и главный порт Сомали.

«Обезьяна» четвёртый год слонялась по Индийскому океану, берясь за любые перевозки. Несмотря на почти постоянную загрузку, команда пятый месяц не видела зарплату, а в каждом порту приходилось скандалить — представитель фирмы-владельца Асанов рубил цены за обслуживание, разгрузку и топливо, ссылаясь на безденежье. Во многих портах «Обезьяну» ждали с нетерпением, чтобы арестовать за долги, — обещанные деньги за выполненные портовиками работы российский офис всё никак не мог перевести на счета: то непредвиденные обстоятельства, то финансовый шторм, то насморк у председателя совета директоров. Как говорили матросы, год не читавшие российских газет в натуральном виде и не «любившие» законных жён, на фирме завелись «жадные си».

Многие ждали зарплату, чтобы сразу плюнуть на опостылевшую работу и умчаться на перекладных домой.

Асанов на все демарши орал, а потом, жалко улыбаясь, просил потерпеть ещё месяц-другой.

— Смотри, Петрович, мы знаем, что у тебя в несгораемом шкафу энное количество зелёных и евро. Доведёшь мужиков — удавим и за борт выбросим, а сами — по домам, — выразил однажды общую обиду боцман Мягков.

Асанов ему долго и нудно объяснял ситуацию — это не деньги фирмы, а оборотные средства, благодаря которым «Обезьяна» кое-как цепляет грузы и рассчитывается с портами, а прибыль идёт безналичкой в магаданский офис, и мухлюют именно там — дома, а он такой же, как они, — трудяга, заложник обстоятельств.

Рейс на Могадишо и дальше на Аден капитан «Обезьяны» Утанов Сан Саныч не одобрял в принципе: во-первых, в развалившемся на удельные княжества Сомали царил его величество бардак, и в порту Могадишо в особенности. Во-вторых, у побережья Йемена, где не так давно завершилась верблюжья война между арабскими кланами сынов пустыни и морскими торговцами, вела патрулирование группа кораблей пятьдесят второй бригады пятого флота США — эсминец «Банатога» и крейсер-вертолётносец «Флорида». Американцы относились к «диким» транспортникам из России излишне придирчиво и могли запросто (для потехи) задержать корабль и отбуксировать на досмотр. На все протесты частных фирм из Москвы шли стандартные отговорки о борьбе с пиратами и о благотворном сотрудничестве Соединённых Штатов и Российской Федерации, причём американцы обоснованно ссылались на то, что задерживаемые суда плавали не под российским флагом.

Досмотр — было самое обидное, что позволяли себе «американские партнёры» вытворять над российскими матросами. Хотя корабль числился не за Россией, а (по бумагам) принадлежал государству Камбоджа.

Как происходило столь «яркое» событие?

Сначала патрулирующая эскадра живописно, словно асфальтовый каток, «накатывалась» на одинокий транспортник. Корабль надолго останавливали, срывая все сроки доставки груза, обшаривали все углы (вплоть до личных вещей экипажа), а самих матросов, после допроса на детекторе лжи, отдавали медикам — те искали запретное в анусах обзолённых русских мужиков.

— Вот, сволочи, довели Россию — сколько лет дома нас загибали в «лихие девяностые» и «пустые двухтысячные», а теперь и здесь то же самое! Загибают! — роптали моряки.

— Не разговаривайт! Куда спрятал? У нас информациион! — гремел плохой русский из глотки надзирающего за досмотром офицера.

— Я буду жаловаться своему правительству! — выл боцман.

— Сухогруз есть регистрация Камбоджа, будет вам всем неприятности, если что найдём...

— Вот-вот, у них поищи. В Камбодже...

Утанов передёрнул плечами, вспоминая тот памятный досмотр — тогда «Обезьяна» транспортировала из Ирана в Оман бочки с сахарным сиропом. Американцы остановили сухогруз под предлогом поиска радиоактивных элементов. Даже в задницах эти контрабандные элементы искали. Как теперь будет? Бог даст, проскочат... А всё жадность Асанова — он ухватился за груз до Сомали и Йемена, узнав, что арабские торгаши дают на пятьсот двадцать кусков зелени больше, чем по обычному тарифу. Всё из-за местных пиратов, чёрт их дери, очень неистребимых, потому что никто и не собирался их истреблять или наказывать. Сколько уже эскадр стран западного мира дежурили на морских путях, а воз, как выражался классик русской литературы, «и ныне там». Пираты пиратили, эскадры эскадрили. Только не соприкасались — и без этого дел всем хватало...

Теперь сухогруз шёл в свой самый опасный рейс.

Асанов стоял на капитанском мостике. Матрос Фонарёв следил за штурвалом.

Асанов взглянул на часы. Обратился к хмурому капитану:

— Сан Саныч, по графику идём?

— Мы график всегда выдерживаем, Петрович. Ты парням авансик подкинь. В Могадишо выйдем, они хоть шалав подерут да шмоток прикупят. Там теперь вроде всё по закону... Вчера по Интернету, как смогли, всё разузнали...

— Саныч, ты меня знаешь: не было бы там закона, я бы ни за что не подписался на маршрут и груз.

— Я про парней говорю...

— Саныч, я всё понял. Всё будет без обиды — по двести баксов каждому кину. И для камбуза тысячи три зелёных отсчитаю — фруктов возьмём, мяса. Всё будет путём.

— Какой путём?! Не люблю я в Могадишо швартоваться. Там в последнее время полный беспредел творится, хотя город принадлежит законному правительству.

— А кто любит? Сомали — деградировавшее государство. Набор княжеств. Потому арабы и врубили на пятьсот двадцать кусков сверху.

— Команде какой прок от этих кусков?! — В голосе Саныча послышался металл.

Асанов дипломатично ушёл от ответа, улыбаясь, пожал плечами — мол, твоё, капитан, дело маленькое, рули, куда прикажут хозяева. Отозвался лёгоньким тенорком:

— Не ной, Саныч. Вон, у Параева в Могадишо младшая сестра замужем за негром, живёт нормально, никого не боится.

Утанов хрюкнул — про сестру Параева на корабле ходили невероятные легенды: то у неё муж сомалиец-олигарх, то — известный бандит, то — двоюродный брат премьер-министра. Все советовали Параеву-старшему во время разгрузки сбежать с корабля, затаиться в тюках, а потом просить убежища — не бросит же преуспевающая сестра непутёвого братца! Параев смеялся: «У неё муж доктор, ветеринар — у нас учился во Владивостоке. Лидка за него по дурости замуж выскочила, а теперь живёт где-то в хижине, в окрестностях Могадишо». — «Может, её давно негры дикие выкрали, ну, из саванны!» — смеялись мужики. «Может быть. Вестей давно не было. А у них там беспредел полный... Зачем туда поехала — не знаю!» — вздыхал Параев...

Шестого апреля «Обезьяна» вышла на рейд Могадишо. Ждали нападения пиратов, готовились отразить — у всех были заранее припасены рогатки и железные гайки, — но

пронесло. Радиопереговоры дали результат — кораблю разрешили войти в порт и стать на разгрузку.

Когда сухогруз швартовался к причалу, вся команда, запасшись рогатками, вышла поглазеть. Боцман выволок из трюма деревянный ящик полный стальных гаек. На всех российских кораблях рогатки были единственным средством борьбы с пиратами и хулиганьём: вроде не оружие, но под свист стальных гаек не очень-то полезешь штурмовать — размозжит голову за две секунды.

На причал выехали восемь военных джипов, оставшихся после спешной эвакуации американцев в начале девяностых, все перегружены африканцами в камуфляжах с автоматами.

— Ни хрена себе! — присвистнул Параев.

— Тут никакие рогатки не помогут, — заметил боцман.

— Банда Бабека! — беспечно произнёс Асанов, забросив под мышку папку с документами, и побежал по трапу вниз.

— Сейчас нас всех в рабство продадут, — предположил кто-то из мужиков. — А его завалят тут же.

— Должны завалить, — согласились остальные...

Банда полевого командира Бабека была одной из самых могущественных в Сомали и контролировала весь порт и несколько городских кварталов двухмиллионного мегаполиса. На премьер-министра и президента страны Бабек чихал, творил своеволие и вообще жил независимым князьком, но в общении с зарубежной прессой твёрдо заявлял: «Мы с президентом друзья!»

Когда американцы пытались очистить порт от боевиков Бабека и прислали сюда больше двадцати пяти тысяч морских пехотинцев, Бабек отступил, выждал время, а потом так отшуровал из миномётов и АКМов незваных гостей, что в Вашингтоне никак не могли решить, что же делать. Горстка дикарей совсем не боялась всесильного флота великой Америки. Люди Бабека, словно муравьи в траве, рассыпались по городским джунглям большого Могадिशю, продолжая днём и ночью исподтишка убивать американцев и помогавших им европейцев.

В контракте прохождения военной службы американским солдатам было гарантировано бесплатное питание, бесплатное обмундирование, месячный оклад в две тысячи долларов, возможность получить во время службы высшее образование и возможность посмотреть мир. Но там нигде не указывалось, что на втором году службы тебя может завалить некто Атаута-Тута-Мута, который до сих пор на ночь молится своему автомату и считает белых людей недоразвитой ветвью человечества. Интервенция провалилась — американцы уехали, оставив пирамиды бочек с горючим, а «победитель» Бабек, вернувшись в порт, обнаглел ещё больше, то есть сверх всякой меры. А он и до этого был безмерно наглým хамлом!..

Давно это было...

Прошли годы, но ничего не изменилось. Бабек так и царил в порту.

Как это было ни удивительно, злодеи в джипах Асанову обрадовались, бросились пожимать руки, обнимать, а после потеснились, давая место в джипе, и вся кавалькада умчалась.

— Петрович умеет с чёрными разговаривать, — глубокомысленно заявил боцман Мягков — упитанный щекастый человек в рабочем комбинезоне. Он поиграл рогаткой и, уже совсем успокоившись, пошёл на камбуз, разузнать, как дела, — время близилось к обеду.

С наступлением темноты началась разгрузка, — прожектора осветили сухогруз, портовые краны вытягивали из грузового отсека гигантские, упакованные в белую материю тюки и опускали их прямо на причал. На причале бегали местные грузчики — тюки складировались в трейлеры и увозились в неизвестном направлении.

Усталый, но весёлый Асанов вернулся на борт.

— Петрович, что там?

Матросы тусовались у капитанского мостика, предчувствуя аванс и выход в город.

— Бандиты, — коротко объяснил ситуацию выдавший виды Петрович. — Через десять минут начну выдавать аванс — сейчас по сотне, утром — ещё столько же.

— Сразу две можно?

— Вы же сейчас на берег ринетесь, а там б... и пьянь непутёвая. На гудёж — по сотне баксов за глаза хватит, ещё сдача останется, а на базар и личные закупки — утренняя выдача.

— Угнетаешь ты работяг, Петрович.

— О вас же думаю.

Асанов вошёл на мостик. Капитан Утанов склонился над картой, подняв глаза, задал немой вопрос.

Асанов бросил папку с документами на стол, схватил термос с остывшим кофе.

— Не ожидал, что договорюсь с Бабеком. Он с каждым годом всё наглее становится. За разгрузку берёт отступного двадцать кусков зеленью. Боялся — заломит. Он здесь всему владыка, как скажет, так и будет.

Налив в крышку термоса кофе, он жадно опрокинул его в рот, блаженно выдохнул воздух.

— Уф-ф. Адреналин сплошной от такой работы... Ситуация на берегу спокойная. Бабек заверил, что никого не обидят. Думаю, людей пускать можно.

Капитан пожал плечами — можно так можно.

Асанов заулыбался.

— А вам, Александр Саныч, как аванс выдать? Сразу три тысячи долларов, или тоже в город пойдёте?..

Огромный амбал, в парадной форме милиционера времён Советского Союза, опрокидывая столики, прошёл в середину кафе. Было накурено. Форма милиционера сидела на нём как влитая.

Один волосатый негодяй, не выдержав строгого взгляда, вскочил.

— Какие ваши доказательства? — завопил он по-русски с жутким американским акцентом.

Шварценеггер двинул в него могучим кулаком, свалив на пол вместе со столом и стульями...

* * *

— Ишь, как у них! — ухмыльнулся, качнув головой, Катаев и отвернулся от экрана телевизора.

Его взгляд упёрся в бритую физиономию юного племянника, — родители отмазали его от армии, но на пользу это парню не пошло. Сейчас он сидел, набычившись, на диване и ждал разгоняя. Под обоими глазами красавца светились профессионально поставленные фонари.

Голос Катаева гремел, как проповедь папы римского:

— В Америке не разбираются — хрясть по морде! Ты понял? А? У них быстро дерьмо на место ставят!

— Это про нас показывают, — сердито возразил племянник. — Про Москву. Шварценеггер советского милиционера в этом фильме играет. Лихие девяностые...

— Про нас? Правильно показывают, — тут же согласился Катаев. — У нас с бандюгами теперь тоже не церемонятся, прошли времена.

Фонари родному племяннику засветил сам Катаев — «подарок от любимейшего и почитаемого дяди».

Когда Катаеву настучали осведомители о проделках Павлика, Катаев решил привести племянника в чувство не через обожавших единственное чадо родителей, а лично.

— Кто я? — спросил Катаев, найдя племянника у небольшого рынка в одном из районов Подмосковья.

Павлик не удивился наезду дяди, ответил скороговоркой, словно юный солдат, бывший в часть:

— Ты мой дядя. Майор ФСБ. Хороший человек.

— Правильно, — согласился Катаев, но не подобрел. — А ты, знаешь, кто ты есть?

— Тоже хороший парень? — Племянник радостно заулыбался.

Катаев махнул ладонью суровым дружкам племянника, и те мгновенно отошли на очень далёкое расстояние, чтобы не мешать «родственному общению». Катаев рыкнул на племянника:

— Ответ неправильный, мой юный друг. — Улыбка дяди не предвещала племяннику ничего хорошего. Катаев взвился: — Ты козёл! Родину защищать ты с...ь, а пойти в бандитские шестёрки ума и совести хватило! Ходишь с толпой ублюдков и мелких торгашей грузишь! Кто ты такой? У тебя же плоскостопие и этот... рахит! И ещё, в твоём покупном диагнозе — скудоумие и недержание мочи. Ты конченный урод! Ты в армию России идти испугался! Ты трус!

— Хватит! — огрызнулся племянник.

— Правильно, хватит болтовни, — снова согласился Катаев и, всё-таки сдерживая силу (не убивать же родню!), врезал кулаком, сначала в правый, а когда племянник попытался подняться, и в левый глаз любимейшему младшему родственнику.

Рэкет-компания, таких же, как Павлик, слюнтяев-шестёрок, дёрнуться на Катаева не посмела, и посмечь не могла — эти товарищи за версту чуяли, с кем имели дело. Трусливо улыбались на расстоянии...

Дома Павлик поклялся завязать.

Теперь Катаеву предстояло решить, что делать дальше, — работать Павлик ленился, а найти место, где давали деньги ни за что, было не так-то просто...

Катаев ещё раз измерил злым взглядом «любимого» племянника и, повернувшись к телевизору, переключил канал. Диктор с сурдопереводом оглашал новости:

«Второй месяц в порту Могадисио находятся в заложниках четырнадцать членов экипажа сухогруза „Обезьяна“. Российских граждан захватила бандитская группировка полевого командира Бабека, контролирующая порт и прилегающие районы столицы Сомали. Сухогруз доставил в порт Могадисио спецгруз. За разгрузку и обслуживание группировка Бабека получила оговоренные деньги, но Бабек потребовал ещё сто тысяч долларов. Магаданская фирма „Реликт“ отказалась идти на поводу у военной группировки. В отместку Бабек захватил корабль — российские моряки не имеют права сходить на берег и находятся под неусыпным контролем двадцати боевиков, вооружённых автоматами».

На экране сменялись живописные кадры африканских пейзажей: негры в камуфляжах с автоматами на корабле, порт, заросли, военные в джипах. Катаев с удивлением внимал информации.

Диктор продолжал:

«Ситуация осложнена тем, что в Сомали нет российского посольства и переговоры по телефону ведёт российский консул из Эфиопии. Два дня назад экипажу позволили позвонить домой. Наши моряки держатся хорошо и ждут разрешения конфликта между местной мафией и фирмой — владельцем сухогруза. Как всегда, крайним оказался экипаж».

— Ты бы, дядя, вон чем занимался, — ехидно произнёс Павлик, кивая на экран телевизора. — Прямыми обязанностями. Нас уже и дикари не уважают.

— Точно. Не уважают, и давно, — подтвердил Катаев.

Синяя с перламутром «Лада-приора» вошла в парковочный ряд легковых автомобилей перед зданием центрального офиса управления ФСБ. У своей белой «хюндай-сонаты» томилась в задумчивости секретница Андреева.

— Алекс, ты всегда в другой ряд ставила! — крикнул ей с улыбкой Катаев, выходя из своей «приоры».

— Никита, я тебя поджидаю.

— Меня? — Катаев удивился.

До этого Андреева к нему персонального интереса не испытывала.

Заинтригованный, он быстро включил центральный замок и повернулся к Александре с ослепительной американской улыбкой.

— Никита, мне всегда не нравились твои машины, — заявила с сомнением Александра. И пояснила убравшему улыбку с лица Никите: — Сначала битая «девяносто девятая», теперь «приора». На иномарку мощи не хватило? Не смог признать? Никита, объясни!

— Я поборник российского автопрома!

— Смешно!

— А мне нет! — Никита собирался насупиться. Что, она поджидала его, чтобы поёрничать над машиной? А чем плоха «приора»? Она лидер продаж в России в этом году!

— Меня требует к себе твой непосредственный босс, — вдруг совершенно чужим, холодным голосом сказала Александра.

— Да? Вот теперь и я по-настоящему удивлён.

Александра пожала плечами.

Катаев вспомнил «вечных капитанов», работавших под началом Андреевой, — Купчика и Загина.

— Где твои архаровцы? Давно не пересекался с ними.

— Мои архаровцы отдыхают после героических дел — один в отпуске, другой в госпитале после ранения.

— Загин? Надо к нему заскочить, забросить апельсинчиков.

— Сделай доброе дело, — хмыкнула Александра. — У него жуткая аллергия на цитрусовые. Пусть почешется как следует. Так вот, прихожу сегодня на планёрку, наш генерал Харченко, без объяснений, приказывает шпарить в командировку, в ваше оперативно-тактическое отделение. Спросила: зачем? Говорит: генерал Туруханов объяснит. Ты в курсе?

— Нет.

— Странно. Ну, пойдём. А может, ты темнишь? А? Жук!

— Какая мне корысть? И никакой я не жук! Я хороший!

— Что-то затевают наши шишки. Вот здесь как-то беспокойно. — Александра показала на грудь. — Зябко как-то.

— Помассировать?

— Никита, прекрати! Это гадко!

— Погода такая.

— Это не погода такая, это ты такой!

На входе оба показали удостоверения дежурному.

— Майор Андреева, майор Катаев, вас ждут в зале совещаний. Генерал Туруханов уже дважды спрашивал.

Катаев с Андреевой переглянулись — ещё интереснее.

Минуя широкий вестибюль, повернули в коридор направо. В просторном зале для совещаний вокруг длинного овального стола сидели задумчивые начальники — генерал Туруханов от оперативно-тактического отделения, ещё двое солидных, которых Александра и Катаев не знали, а также директор всей ФСБ и пузатый дядька из МИДа. Туруханов кивком велел сотрудникам присесть с краю.

— Вопрос чисто политический — надо забрать их, и всё. — Дядька из МИДа бросил авторучку на лист бумаги для заметок и удовлетворённо откинулся на спинку кожаного кресла. Для него вопрос был решённым. Кресло прогнулось, издав жалобный скрип.

— Вопрос: как? — мягко произнёс директор ФСБ, немного сутулясь и глядя в стол перед собой.

— Нужно сделать чисто. Мы заявим громогласно о своей решительности! — сказал дядька из МИДа. — Сами понимаете — никаких потерь!

Туруханов обернулся к Катаеву:

— Понял?

Катаев ничего не понял, но бодро кивнул.

Начальники как-то сразу, всем скопом, поднялись из кресел и пошли вон из зала. Туруханов провожал их. Катаеву и Андреевой он взмахом руки велел сидеть на местах.

Вернувшись в зал, Туруханов хитро усмехнулся:

— Теперь с вами поговорим.

— Товарищ генерал... — открыл рот Катаев.

— Молчать, Катаев. Имей терпение. Слышал, что говорили, — никаких потерь! — Генерал уселся на своё место, сцепил руки в замок. — А дело затеялось большое. Слышали про Сомали? Информацию передали в «Новостях» только сейчас, для чего? Ведь моряки в заложниках у бандитов не первый месяц томятся. Политика. Кое-кто начинает забывать о статусе России. А Россия, милые мои, несмотря на потери территорий, людских ресурсов, экономические передряги, всё-таки суперстрана. Нужна быстрая, смелая операция по спасению российских граждан. Всё складывается как нельзя кстати — наши оболдуи с «Обезьяны» томятся у боевиков Бабека, вроде бы наши правы и являются жертвами обыкновенного бандитского произвола...

— А дипломатические каналы? — уточнил Катаев.

— Дипломатия дипломатией, но нужна силовая акция. Как вспышка салюта в ночном небе, чтобы привлечь внимание. Малыми силами. Ты, Катаев, возьми отряд майора Князева. Андреева с ними уже работала.

Александра пару раз кашлянула, прочистив горло.

— Можно вопрос? Какова моя роль в экспедиции? Я — следователь-секретник.

— На этот раз вы откомандированы из Особого специального управления как эксперт. Ваша задача — дать полный отчет действий отряда спасения.

— Почему я должна этим заниматься?

— Не считаю нужным давать ответ.

— Я к тому говорю, что я следователь, и следователь специфический — занимаюсь необычными преступлениями и происшествиями на секретных военных и иных объектах. Управление секретных расследований. Я нахожу преступников, я выясняю причины, толкнувшие к преступлению. Какое я имею право оценивать работу специалистов совсем иной сферы — проведение силовых спецопераций?

— Вы уже участвовали в подобных операциях, и не единожды.

— Я ловила преступников.

— На месте вам многое станет понятно, товарищ майор.

В буфете управления, купив по стакану сока и по бутерброду с красной рыбой, Катаев и Александра долго сидели, молча жуя и запивая, не обсуждая услышанное, делая выводы про себя — в уме. Александра негодовала — опять Африка. Это уже превращалось в скверную традицию: как командировка в Африку, так ОСУ выделяло «опытного»: специалиста Андрееву. Катаев вообще не мог прийти в себя от полученного задания: забрасывают за границу, да ещё с таким дерзким требованием — провести военную операцию по вызволению заложников.

Держись, Катаев!

Жара давила. Воздух плавился. Над раскалённой сухой саванной парили грифы. Где-то далеко тьякала гиена. Губы потрескались. Жажда, мучившая так долго, теперь отступила; не хотелось уже ничего — впасть бы в забытьё и умереть.

Разве она знала, выходя замуж за Нельсона, что окажется не женой преуспевающего чернокожего ветеринара, с элитной квартирой в столице страны на берегу моря, а жалкой погонщицей тонкорогих коз. Да-да, она стала пасти коз, когда попала в эту дикую долбаную саванну. Там, во Владивостоке, Нельсон сорил деньгами, дарил цветы и фрукты, шептал картавые, с акцентом, любовные признания, рисовал перспективы, ожидающие на родине, — его примут в ведущую ветеринарную клинику страны, он будет лечить собак и кошек состоятельных сомалийцев и вскоре будет владельцем шикарной квартиры на побережье. Его будут звать «господин доктор». И Лидка купилась. Голова шла кругом — она будет жить далеко-далеко, в жаркой Африке, а чёрный-чёрный губастый негр будет её мужем, и она родит ему чёрных детей. Или мулатов. Здорово!

Но действительность враз похоронила её надежды. Когда счастливая миссис Эйшен, преданно держа мужа за руку, сошла с автобуса у дикого дерева, тоска и смутная тревога стеснили её грудь. Но Нельсон просиял от радости — под диким деревом уютилась глинобитная, крытая соломой хибара без входной двери и окон. Вокруг тлеющего костерка сидели обнажённые (в одних набедренных повязках) дикие люди. Там был пожилой брюхатый мужчина на тонких ножках, старуха с усохшей грудью, парень с копьём, молодая смешливая женщина, видимо, его жена, и с десятков подростков от десяти до пятнадцати лет — мальчиков и девочек.

Это была семья Нельсона. Пожилой мужик — его отец, старуха — его бабка. Мать Нельсона, пока он учился во Владивостоке, затоптал носорог.

Сначала Лидка не поверила — эта убогость и есть родные пенаты ее великолепного супруга? Это шутка?

Но нет, всё оказалось ужасной правдой. Увидев Нельсона, дикари возликовали и бросились обнимать его. Нельсон представил Лидку:

— Моя жена.

Её разглядывали, словно инопланетянку.

Первым опомнился отец — он наорал на семью, и те принялись за дело: в еле тлевшее кострище навалили сухих веток, и огонь запылал, несколько девчонок пригнали из-за колючих зарослей большое стадо коз (очень большое — голов пятьдесят), одну козу зарезали и стали жарить мясо.

Пока женщины готовили пищу, отец Нельсона похвалялся перед женой сына своим «богатством», уверяя Лидку, что белая женщина принесёт их роду удачу. Лидке велели раздеться — надо соблюдать обычай — и принять участие в празднестве. Она выполнила повеление пожилого дикаря чуть не плача. Она не дикарка, чтобы сидеть в набедренной повязке, с голыми грудями и есть непрожаренное жёсткое мясо. Но Нельсон был рад, что вернулся домой. Он целовал Лидку в щёку и говорил, говорил, говорил с родными на чужом, незна-